

НАУЧНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

С.М. Медведева

Научная коммуникация – понятие относительно новое как для российской науки, так и за рубежом. Речь идёт о процессах и механизмах движения научных идей внутри научного сообщества, а также за его пределами. Преимущественное внимание получает второй этап научной коммуникации, то есть популяризация научных идей из научных лабораторий в массы. Надо сказать, что популярная версия научных знаний всегда в том или ином виде сопровождала свою более возвышенную сестру, назовем её наукой в подлинном смысле слова, практику, нацеленную на производства новых знаний. Несомненно, что время их появления на свет приблизительно одинаково. Однако специалисты практически единогласно фиксируют рост интереса к научной популяризации или коммуникации между научным сообществом и широкими массами как в теории, так и на практике где-то на рубеже XIX – XX вв.

Причиной этого стали существенные изменения в самой науке, связанные с ростом специализации, усложнением научных дисциплин. Это сделало их менее доступными для массового читателя, который, не имея исследовательских навыков, обладал тем не менее интересом к науке. Возникла потребность в посредниках, способных преобразовывать сложные научные формулы в более доступные воззрения. Приходится признать, что отношения между двумя версиями науки – популярной и подлинной – не всегда были безоблачными. В частности, учёные часто обвиняют популярные издания в производстве низкокачественной продукции, а журналисты учёных – в закрытости, неумении говорить с публикой и т.п. Очевидно, что отношения между наукой, массовыми читателями и

журналистами как посредниками претерпевали серьёзные изменения. В частности, эпоха Просвещения создала идеал учёного, активно несущего свет разума в массы. Можно сказать, что определённый просветительский настрой всегда присутствовал в научном сообществе, хотя специалисты наблюдают, что к началу XX в. научное сообщество начинает постепенно закрываться от назойливой публики.

Следует оговориться, что здесь речь идёт о двух идеалах науки – «открытой» и «закрытой», о представлениях, как наука и общество должны взаимодействовать. Реальность всегда отличается от идеала, и в этом смысле наука никогда не бывала ни полностью закрытой, ни полностью открытой. Речь идет, стало быть, о преобладающей установке. И действительно, на каком-то этапе появляется идеал закрытой науки, а определённая «закрытость» учёного и его лаборатории от внимания назойливой публики и журналистов начинает восприниматься как норма. Достаточно вспомнить слова Мари Кюри, которая после получения Нобелевской премии стала объектом повышенного внимания со стороны общественности: «Все время суматоха. Люди как только могут мешают нам работать... Вместе с почётом и славой нарушилась вся наша жизнь».

Ш. Данвуд приводит более драматичные примеры из второй половины XX в., когда научное сообщество подвергало репрессиям своих собратьев за попытки популяризировать свои идеи и открытия. Например, учёному, добившемуся успеха в лечении болезни внутреннего уха, было отказано в членстве в почётном научном обществе, поскольку его имя было упомянуто в статье, посвящённой

этой болезни. Подобное упоминание сочли «неуместной рекламой». В последней четверти XX в. наметился поворот в отношениях общества и масс: возник идеал открытой науки, активно взаимодействующей с обществом. Причём линейная одновекторная модель эпохи Просвещения «учёный – массы» сменились новыми моделями, утверждающими прежде всего, что массы не являются пассивными реципиентами информации от научного сообщества, массы неоднородны, они различаются и по уровню образования и, что даже важнее с точки зрения ценностных ориентиров, мировоззренчески. Также эти модели утверждают, и это самое существенное, что популярная наука не является просто бледной копией подлинной науки, что все её идеи не просто упрощённая калька со сложных идей настоящих наук. Это особый уровень бытия научных идей, обладающий собственной спецификой, на котором, конечно же, идеи трансформируются, но это не просто банальное упрощение, и который способен не только принимать идеи научного сообщества, но и влиять на состояние умов людей науки.

Уместен вопрос, почему эта трансформация отношений между обществом и государством происходит именно сейчас? Можно указать две группы изменений, вызвавшие подобную реакцию: (1) изменения в самой науке, новые этапы, пути её развития и, следовательно, новые формы взаимодействия с другими субъектами; (2) изменения в обществе, новые формы его бытия, новые механизмы взаимодействия между субъектами внутри него, в том числе и с научным сообществом.

Процессы, происходящие в науке в последние десятилетия, привлекают пристальное внимание социологов науки. Здесь особый интерес вызывает концепция Хелен Навотны и её соавторов, представленная в работе «Новое производство знания». Авторы предполагают два способа производства научного знания: режим 1 и режим 2. Причём на современном этапе происходит эволюция режима 1 в режим 2. В свою очередь, суть режима 2, современных новейших тенденций в науке заключается в том, что наука выходит за границы традиционных научных центров, а именно университетов. Вместе с тем увеличивается число грамотных людей, появляются различные независимые исследовательские лаборатории, то есть разрушается привычная граница между научным сообществом и обществом, повышается ответственность науки перед обществом. Всё больше появляется грамотных людей, способных требовать от учёных отчёта за их действия. Наука начинает испытывать потребность в более сложных механизмах взаимодействия с обществом. Потому что раньше схема была

простой: учёный просвещал неучёную публику. Теперь хотя, конечно, неучёная публика сохраняется, появляется достаточно представителей учёной публики, с которой надо говорить на другом языке. И это важно, потому что от этой публики зависит общественное мнение или приток новых сил, идей и ресурсов в саму науку. Но и с неучёной публикой приходится очень грамотно говорить о науке, потому что от неё также, но в другом смысле могут зависеть политические решения, касающиеся положения научного сообщества и научных исследований. Таким образом, научная коммуникация, то есть взаимодействие науки с государством, общественностью, с бизнесом, с различными социальными группами и т.п., становится важной практикой и дисциплиной, без которых современная наука становится нежизнеспособна.

Вторая группа причин связана с изменениями самого общества, и мы хотим коснуться тех из них, которые обычно фиксируются понятием «информационное общество». Не вдаваясь в особенности определений и теорий информационного общества, отметим лишь повышенную роль информации в современном мире и тот факт, что системы, закрытые в какой-то степени от информационных потоков, просто не могут существовать. И в этом смысле научные структуры действительно вынуждены целенаправленно взаимодействовать с обществом, государством, их подсистемами, иначе они просто прекратят своё существование. Таким образом, эволюция науки от закрытой к открытой стадии может объясняться как внутринаучными, так и вненаучными, социальными процессами. Но и в том, и в другом случае наука вынуждена усиливать свои взаимодействия с другими общественными подсистемами. Это является объективным, неизбежным процессом.

Существует закономерная разница между положением популярной науки в России и за рубежом. На Западе, начиная с последней четверти XX в., происходит интенсификация усилий по широкому проникновению научных идей в массы. Создаются специальные структуры, проводятся специальные программы. В качестве примера можно привести такие программы, как Public understanding of science, Общественное понимание науки (британская инициатива, включавшая создание комитета, издание журнала, специальную программу мероприятий по улучшению научной грамотности в обществе), проекты Science and society / Science in society (общеевропейский проект, проводимый под эгидой Еврокомиссии). Целью последней программы является создание единой общеевропейской научной зоны, которая будет, хотя об этом прямо не заявляется в программных документах, конкурентоспособна по сравнению с устоявшейся американской наукой и бур-

но развивающейся наукой стран БРИКС и т.п. В том числе данные проекты включают направление, нацеленное на более широкое распространение научных идей в обществе. В итоге в настоящее время западные страны прилагают очень большие усилия для в прямом смысле слова просвещения масс. Однако, по оценкам экспертов, их достижения более чем скромны. Несмотря на серьёзные вложения, процент действительно «научно грамотных» людей относительно невелик. Разумеется, в разных исследованиях называются разные процентные соотношения, в зависимости от методов анализа.

Обратимся теперь к положению дел в России. К сожалению, приходится признать, что наши достижения в области научной коммуникации ещё скромнее. Связанно это с целым комплексом проблем, в числе которых хроническое недофинансирование российской науки, которое тормозит эволюцию исследовательской деятельности от режима 1 к режиму 2. Тем не менее, несмотря на непрекращающиеся катаклизмы в российской науке, следует отметить рост интереса к коммуникации между наукой и общественностью, в том числе и в нашем государстве. Наиболее ярким свидетельством этого интереса является запуск в 2005 г. проекта и электронного

издания STRF.ru, «Наука и технологии Российской Федерации». Издание было создано при поддержке Федерального агентства по науке и инновациям и Министерства образования и науки России. Хотя создание данной структуры следует рассматривать скорее как первый шаг по возрождению научной коммуникации в России (в СССР научная коммуникация была организована для того времени весьма солидно, а её развал произошёл после распада СССР), нежели как крупномасштабную атаку на массовое сознание, тем не менее нужно отметить саму важность этого шага. Опыт Запада показывает, что современная наука должна быть открытой, активно взаимодействовать с окружающим сообществом, информировать его, просвещать, пропагандировать и привлекать. Замкнутая в себе, она обречена на застой. В этой связи тот факт, что в России правящие круги, а создание STRF.ru, несомненно, государственная инициатива, наконец-то стали задумываться, что науку надо нести в массы, что наука без своей популярной версии нежизнеспособна, этот факт внушает оптимизм.

Medvedeva S.M. Science communication in modern world: problems and prospects.